

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

ЕГО

Татьяна

Его птичка

Любовь Попова

Его птичка

«Автор»

2019

Любовь Попова

Его птичка / Любовь Попова — «Автор», 2019 — (Его птичка)

Их роман был красивой сказкой. Анна пообещала, что не влюбится. Роман был уверен, что сможет без проблем с ней расстаться. Только вот раз увидев ее танцующей на сцене, он потерял покой и решил, что «Птичка» должна быть только ему. И она готова была выбрать любовь. Но Роман сам совершил непоправимую ошибку. Содержит нецензурную брань.

© Любовь Попова, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Аня	5
Глава 2. Рома	8
Глава 3. Рома	12
Глава 4. Рома	16
Глава 5. Аня	19
Глава 6. Аня	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Любовь Попова

Его птичка

Глава 1. Аня

– Лучше бы ты пошла на юриста учиться, или врача, – проворчала под нос мама, ополаскивая тарелку под сильной струей теплой воды. – Совсем же изведешь себя этими танцульками.

– Мама!

Я обняла ее со спины, чувствуя, как она вздрогнула от неожиданности, и положила голову ей на плечо, плотно прижимаясь щекой.

– Танцульки – это в клубах и домах культуры, а я занимаюсь Балетом, – восторженно, словно уже исполняла соло в Большом театре, заявила я. – К тому же, каждый должен делать то, что он умеет лучше всего. Разве не так говорил папа?

– Всё так, – вздохнула мама и, выключив воду, повернулась ко мне. Она осмотрела мое, наверняка, худое, осунувшееся лицо. Но при этом я знала, что любой разговор о сцене делает мои глаза ярче, а щеки румянее. – Посмотри на себя, кожа да кости.

Я мягко улыбнулась, и чтобы мама не сильно беспокоилась, схватила со стола яблоко и показала ей.

– Это не завтрак, это еда для птиц, – я на это только фыркнула. Не набивать же мне желудок перед репетицией? Я должна порхать по сцене, а не напоминать бегемота в балетной пачке. – Не зря у тебя живот болит. Тебе надо больше есть.

– Ладно, ладно. После репетиции поем нормально, – как всегда согласилась, внутренне закатывая глаза. Сколько можно? Я поцеловала мать в щеку и отправилась собираться, потому что до начала занятий в универе оставалось чуть более часа.

Я выходила из подъезда пятиэтажного дома, прекрасно зная, что за мной пристально наблюдают такие же, как и у меня, синие глаза матери.

Она, как всегда, беспокоилась. И, наверное, впервые за много лет это было оправдано. Поступление и подготовка к поступлению, а теперь концерту даются мне нелегко.

Я ложусь спать позднее обычного и еще раньше просыпаюсь, а о нагрузках, сравнимых разве что с подготовкой к олимпийским играм, и говорить нечего.

Я знала, что мама будет смотреть в окно до тех пор, пока я не скроюсь за крупными тополями, которые привычно рассматривала по пути на остановку.

Лето уже закончилось, и осень только-только начала заявлять о своих правах. В городе с миллионом одиноких и не очень сердец начинался новый день. Солнечные лучи пробивались сквозь утреннюю дымку, в которой кружились чуть пожелтевшие листья.

Люди разбегались по делам, будто муравьи. Москва не терпела неторопливости ни в людях, ни в их действиях, и порой сильно мстила за промедление. Этот день не был исключением: шумное рабочее утро уносило людей в новые или привычные дела, словно корабль, отправляющийся в не очень далекое плавание и обещающий к вечеру вернуться в родную гавань.

Я уже давно привыкла к этому ритму и не боялась трудностей. Я встречала их, как старых друзей – тепло, радостно и без страха. Ведь они закаляли характер, они делали меня сильнее. Так учил меня отец, который показал мне в пять лет мир балета и умер ещё через пять от сердечного приступа, так учила моя мать, которая осталась одна содержать троих детей – меня и двух близнецов, Марка и Кирилла.

Преподаватели в балетной школе тоже были щедры на жизненные уроки: упала – встань и танцуй дальше, ошиблась – сделай вид, что так было нужно, больно – терпи и улыбайся.

«Тебя ждет большое будущее, – утверждали они, – и трудности только помогут приблизить минуту славы».

– А также создадут возможность выбраться из той денежной ямы, в которую загнала нашу семью смерть отца, – добавляла я про себя.

Но сегодня старые друзья подводили. Тянущая боль в правом боку не давала покоя, а выступление, где я должна блистать, было близко. «Но-шпа» – а я закидывала в себя уже третью пилюлю – не помогала. Лекарство лишь приглушало тянущую боль, словно накрывая прозрачным колпаком.

Я вышла из трамвая, проигнорировав заинтересованный взгляд незадачливого ровесника, который смотрел на меня всю дорогу, и помчалась в здание с колоннами, построенное еще в восемнадцатом веке, теперь оно было домом для Университета Танцевального Искусства имени Марии Павловой.

Солнце уже позолотило лепнину вдоль крыши и теперь слепило, вынуждая меня щуриться. Очередной спазм боли в животе накрыл на лестнице, от неожиданности я охнула и едва не упала, но тут же постаралась взять себя в руки, посмотрела на ноги – основной инструмент моего ремесла, и выдохнула с облегчением.

Просто подвернула. С кем не бывает.

На самом деле не бывает. Осознание этого протянуло через тонкое тело нить липкого страха.

Я открыла тяжелую, дубовую дверь и с удовольствием вдохнула запахи дерева, мрамора и мела. Процокав низкими каблуками по паркетному полу, я сняла верхнюю одежду и сразу поспешила в актовый зал, на ходу закидывая в себя очередную порцию обезболивающего. Дура, но сцена важнее.

Спустя полчаса изнурительной репетиции главной партии – Терпсихоры, я почувствовала, как темнеет в глазах. Но воля и самонадеянность не дали ни единого шанса проскочить искре сознательности. Хотя бы мысли о том, что стоило бы попросить перерыв.

Я продолжала парить по сцене, как лебедь, изящно взмахивая руками и выполнять гран-жете, пока меня не накрыл очередной сильнейший приступ боли.

– А-а, – закричала я, перекрывая даже музыку, и тут же партнер испуганно выпустил меня из рук.

Раздался глухой звук удара, как будто кто-то разрубил топором полено, но даже боль в копчике от падения не перекрыла ту, что в животе.

Адскую боль!

Шёпот голосов затих и все посмотрели на меня. Кто-то вскочил с места, а кто-то уже достал смартфон и в предвкушении разноса, который неминуемо ждал меня, включил кнопку видеозаписи.

– Анька, ты чего творишь-то? – прокричал мой постоянный, еще с детства, партнер Артур, ошеломленно взирая на скрючившееся тело у себя в ногах. Он давно подбивал ко мне клинья, но я с завидным упорством игнорировала все потуги молодого и красивого блондина.

– Веселов, что ты сделал?! – к сцене подскочила куратор курса Валентина Марковна и с беспокойством в глазах смотрела на своих студентов.

– Я... ничего. Я только хотел сделать поддержку, а она заорала, выгнулась... и вот, – попытался оправдаться Артур, а потом посмотрел на меня и с подозрением спросил: – Может, ты беременна?

– Совсем сдурел?! – закричала я, но прозвучало это довольно жалко, потому, что я снова свернулась из-за очередного спазма. Ощущение были, словно кто-то яростно пытался вырваться кусок мяса из моего живота. – Нет, конечно... Как тебе... Боже, как же больно!

– Так, кто-нибудь уже догадался вызвать скорую? – сердито воскликнула Валентина Марковна, но увидела лишь недоуменные взгляды и направленные на нас камеры смартфонов. – Вы совсем страх потеряли?! Уберите немедленно ваши игрушки, чтобы я на репетициях их вообще не видела, и воспользуйтесь уже кто-нибудь ими по назначению. Идиоты, – пробормотала последнее она себе под нос.

– Между прочим, она уже второй день пьет обезболивающие, – сказала по секрету однокурсница – Таня Губанова, яркая блондинка с глазами изумрудного цвета, в случае моей неудачи получит главную партию. Сказала так громко, что слышали практически все.

– Синицына, потерпите, вы же будущая балерина, – величаво напомнила Валентина Марковна, когда в очередной раз услышала стон. – Отнесите Синицыну в медпункт, пока не приехала скорая, только аккуратнее.

Глава 2. Рома

Женский крик нарушил тишину приемного отделения Городской Клинической больницы номер один.

Бл*ть!

Оставалось же всего полчаса до окончания еженедельной смены в этом гадюшнике. То, что больница находилась в центре мегаполиса, не спасало ее от приема всякого сброда, типа шлюх с проломленной башкой или алкашей с прободением язвы. И сидя в таком идеально-чистом помещении, я никогда не знал, что за сюрприз приготовил этот храм жизни и смерти.

Но еженедельные дежурства так же, как и многочасовые операции приближали меня к заветной цели – собственной лаборатории по трансплантологии.

Я не считал свои побуждения благородными, просто нашел дело всей жизни, которое могло принести мне известность и деньги.

Стук в пластиковую дверь отвлек от воспоминаний о последнем постельном приключении. Я, раздраженно закатив глаза, посмотрел на вошедшего.

– Роман Алексеевич? – раздался голос Власова Коли, фельдшера скорой помощи.

Увидев меня за столом, он на секунду скривил лицо, но тут же надел безучастно вежливую маску. Я лишь ухмыльнулся, зависть между прочим двигает вперед. Но не всех.

Взглянул на телефон, экран которого почти погас, и потянулся за зарядкой. В это же время остолоп всеми силами сдерживал оскорбления.

– Роман Алексеевич... – лицо Власова было искажено злобой, но я упорно делал вид, что не замечаю острого взгляда, пока рылся в ящике стола.

– Там... это.

– Еще медленнее, Власов, и моя смена закончится, – скучающе проговорил я и победно хмыкнул, когда нашарил нужный предмет.

Подключив свой айфон, далеко не последней модели, я лишь подумал, что, наверное, пора купить новый.

Я откинулся на стул и посмотрел на фельдшера так, словно тот копошился у меня в ногах. По-другому я и не мог смотреть на человека, который когда-то сдавал экзамены лучше меня, а потом просто бросил медицину ради наркоты. Власов выкарабкался и вернулся, но мозг таких блядских игр с собой не прощает.

– Студентка. Девушка с аппендицитом, – Власов подошел ближе, с досады бросил папку на стол. Только непонятно, что именно его так расстраивает. Свое место в иерархии медицины или то, что он не раз видел меня в клубах под руку с очередной красоткой, тогда как ему приходилось до беспамятства накачивать дам алкоголем, чтобы увезти с собой и трахнуть?

За дверью снова послышался сдавленный стон.

– Полегче, – кивнул я на папку. – Не в пещере вроде.

Я мельком взглянул на дверь, пока подписывал нужные документы и всматривался в записи скорой помощи.

Я сразу понял, что это мой клиент, так как нужна была срочная операция, правда совершенно несложная. А мне нравились именно сложности, нравилось быть на волосок от гибели пациента и спасти его, играя в Бога. Это откровенно возбуждало нервную систему, но бывало нечасто, поэтому приходилось искать адреналин в другом месте.

Стон за дверью повторился.

– А чего орет так? Вы операцию без наркоза начали?

– Да, начнешь там. Эта фифа осмотр толком сделать не дала.

– Тогда как ты понял, что это аппендикс? – насмешливо приподнял я брови и встал из-за стола.

– Так держится за правый бок вроде, там болит... – ответил Власов неуверенно.

– Вроде у Мавроди... Ну, что ты встал? Студентку веди, ей же больно, жестокий ты человек.

Фельдшер только бросил на меня гневный взгляд и поспешил к пациентке.

Я понадеялся, что медсестра Диана успеет вернуться от другого врача, и мне не придется заносить информацию в компьютер самостоятельно.

Сразу позвонил, чтобы прислали лаборанта для сдачи крови и мазка на инфекции. После чего направился к раковине, чтобы помыть руки и надеть тесные перчатки для осмотра. Пока я проделывал эти нехитрые, привычные действия, то полностью слышал разговор за открытой дверью смотровой.

– Синицына, пойдёте.

– Мне же больно, я разогнуться не могу, не то, что идти. Да не стой, как истукан. Отнеси меня, для чего ещё ты здесь нужен?!

Я даже улыбнулся, услышав этот ироничный ответ. За моей спиной нахалку с тихим голосом всё-таки перенесли во избежание дальнейших препирательств и усадили на кушетку.

Она хриплым голосом поблагодарила фельдшера и снова застонала от боли.

Я никогда не был извращенцем, предпочитая в сексе вполне естественные позы и способы удовлетворения. И уж тем более, никогда не был садистом, но именно этот хриплый, болезненный стон отозвался покалыванием в моем паху.

Что за черт?

Это было неудобно и крайне непрофессионально. Возможно, виновато воздержание, которому я был подвержен уже третьи сутки.

Я сделал пару глубоких вдохов, и потратил эту паузу, чтобы проверить качество перчаток, размять пальцы и взять баночку для анализа мочи, готовясь озвучить стандартное требование при поступлении.

Потому как, судя по звукам, опрашивать придется в ходе осмотра.

Звуки тяжелых шагов Дианы окончательно сняли легкое возбуждение.

Ничто так не охлаждает пыл, как волосы на небритых ногах, смятые лайкрой колготок, и прическа под горшок.

Я улыбнулся собственным мыслям, кивнул медсестре и обернулся к пациентке.

Сука!

Эта резкая мысль не относилась к самой девушке, а скорее к тому чувству, что она вызвала.

Меня словно ударили в грудь ногой. Я в реальности знал это чувство: резкое удушье и боль в области удара.

Мне не нравилось бывать в нокауте, но именно это произошло со мной сейчас.

Ни хрена себе, студентка.

Я секунду постоял с отвисшей челюстью, а потом вспомнил, кто я и где.

Опыт и профессионализм помогли мне быстро взять себя в руки и хрипло спросить:

– Как давно болит?

Ох*реть, балерина! Настоящая, ну или скоро станет, судя по форме одежды. И ладно бы просто балерина, так она ещё красива как смертный грех.

– Два дня.

– Ясно, ложитесь.

Девушка не двигалась с места, и мне пришлось самому мягко надавить ей на плечи, укладывая на кушетку. Я постарался вытолкнуть из головы все неуместные желания.

Но мысли против воли понеслись к ощущениям в пальцах, которые немели от касания даже сквозь латексный барьер к хрупкому телу.

Девушки из моей спортивной школы Кикбоксинга всегда имели отличную растяжку, это было необходимо, если ты хочешь заехать ногой по лицу оппонента, но их тела были мускулистыми, и сильно напоминали мужские.

Здесь же было сочетание нежности и силы тела. Я дурел только от одной мысли о его возможностях, которыми мог бы воспользоваться.

Хватит!

Сквозь эластичную ткань черного купальника я пощупал живот в разных местах, надавливая где-то сильнее, где-то нежнее.

Когда добрался до правого бока, то обнаружил круглое образование, надавил и услышал тот самый вымораживающий, болезненный стон.

Процесс уже на грани разложения.

– По какой причине так долго тянули? – спросил я, стягивая перчатки и возвращаясь к столу, чтобы сделать пометки в медицинской карте.

Тут же всплыла в смотровую лаборант Лидочка и, улыбнувшись присутствующим, принялась брать кровь у девчонки и ставить катетер для будущих капельниц.

Я краем глаза наблюдал за, свернувшейся клубком, девушкой: за тем, как прозрачная слеза скатывается по бледной щеке, за веером волос, спускающихся до самой талии, за дрожащими губами.

Я вернулся к заполнению карты, но в голове теперь прочно поселился образ девушки с глазами синими, как самое глубокое озеро в мире.

Совсем ещё молоденькая.

Такая молоденькая, что думать о ней нельзя – даже я не такой убудок. Мой предел, пожалуй, лет двадцать – именно такие любят шляться по клубам.

Правда, таких, как – я взглянул в карту – Синицына, там отродясь, не было. Она была слишком хороша для загаженного, накуренного, пусть и элитного клуба.

Так хороша, что возбуждение током било меня по всему телу, как электрическими проводами.

– Кхм, Синицына, – проговорил я, тоном профессионала, переводя взгляд на Диану, которая под мою диктовку записывала данные будущей операции.

– Рядом баночка, надо в нее собрать мочу. Диана Михайловна поможет, – я кивнул медсестре, что-то вносившей в карту. Та тяжело поднялась и сразу начала без слов помогать девушке сделать все необходимые процедуры. Странно, обычно она раздражающе болтлива.

Я невольно залюбовался телом, которое освобождали из плена тесного купальника. Хоть и старался смотреть не нарочито, а как бы между делом, каждый мой нерв был натянут до предела от того вида, что мне открывался.

Да приди уже в себя!

Я незаметно поправил больничные брюки, которые вмиг стали словно наждачная бумага и продолжил задавать вопросы.

– Раздевайся и на кушетку, сейчас сразу поедешь на операцию. Когда ела в последний раз? Есть аллергия на лекарства? Были травмы?

Вопросы сыпались из меня и медсестры, как рой пчел из улья. Сначала Синицына бессознательно давала ответы, позволяя себя раздеть и одеть в операционную сорочку и цветной халат, потом даже подписала необходимые документы, как вдруг замерла и словно очнулась ото сна.

Как будто осознав, что происходит, она стала озираться по сторонам: посмотрела на два соединенных стола, на черный монитор компьютера, на белые чистые стены, в окно, за которым шумела осенняя листва и на меня.

Не успела она что-то сказать, как появилась пара санитаров с каталкой.

– Подождите! – пронзительно воскликнула она, когда её поднимали на руки. – Я не могу на операцию. У меня завтра выступление! Я Терпсихора!

Санитары фыркнули в кулаки, сдерживая смех. Диана ласково улыбнулась и дала знак ребятам не прекращать своих действий, не обращая внимания на ее крики, а я беззлобно усмехнулся.

– Везите её в операционную. Видите, она уже не в себе.

– Подождите! – больная на удивление бодро спрыгнула с кушетки и тут же схватилась за бок. – Я могу потерпеть! Честно! Давайте я завтра после выступления сразу приеду, и вы сделаете операцию? Честно! Честно!

По её щекам текли слезы, словно она упускала действительно что-то важное. Но я знал, что дороже здоровья может быть только возможность потерять жизнь.

– Ну, отлично, дерзай, Синицына. Только завтра не забудь катафалк заранее вызвать, чтобы сэкономить, – сказал я, сложив руки на груди.

– Ката... Что?

– Именно. Ты умрёшь, если срочно не сделать операцию.

Мои слова сильно повлияли на неё. Она застыла как статуя в музее, красивая такая статуя – бледная – и впервые за время, проведенное здесь, осознанно взглянула на меня и поджала трясущиеся в рыданиях губы.

Она отвернулась к оранжевой стене коридора и больше не сопротивлялась, пока ее укладывали обратно на кушетку.

– Я умру?

– От этого никто не умирал, да и я не позволю такой красоте сгинуть. Увидимся через полчаса, танцовщица.

Она кивнула и перевела взгляд на меня, сильно задрожав головой.

– Это балет, – буркнула она обиженно и стала сильно напоминать котенка.

Меня аж передернуло, никогда меня не прельщала романтика, уж слишком она была недолговечна, а любовь, как и здоровье, подвержена постоянным рискам.

Вот секс – дело простое. Если возникало притяжение тел, не стоило ему сопротивляться. И если говорить честно, то именно мысли о сексе вызывала эта крошка, которая скоро встанет на ноги и сможет их для меня раздвинуть.

Широко раздвинуть.

Вот это правильные мысли. Тем более, что взгляд синих глаз давал понять, что Синицына очень даже не против продемонстрировать мне свои хореографические умения.

Я с каким-то подспудным удовлетворением отметил, как она смотрела на меня до тех пор, пока не закрылись двери лифта.

Глава 3. Рома

– Диана, уточните у неё, обширную делаем операцию или эндоскопическую.

– У нее полис ОМС.

– Да, хоть ПМС. Всё равно спросите, может, она готова оплатить прокол? Это все-таки три дня в больнице, а не семь. Да и балетом своим займется быстрее, – усмехнулся я, фантазируя о сексе на сцене, но печальный взгляд медсестры резко охладил пыл.

С таким лицом она выглядела еще старше. Я знал, что из-за матери ей требовалась поддержка. Та уже давно была пациентом хирургического отделения.

Но я давно искоренил в себе функцию надежного плеча, еще с тех пор, когда за слезы отец меня бил, а мать не могла этому противостоять.

– Диана, – довольно резко сказал я. – Я помню про вашу маму. Как раз сейчас собираюсь к заведующей, возможно, уже нашелся донор.

– Но мы не первые в очереди.

– Не первые, – а что поделаться? – Но и вашей матери не двенадцать лет, как той девочке. Тем более еще непонятно, кому оно подойдет.

В её глазах засветилась надежда, и она смахнула набежавшие слезы.

– Спасибо вам, пойду отнесу данные в операционную и спрошу Синицыну про полис.

Диана взяла с собой карту и умчалась наверх по лестнице, явно довольная моими словами. А я посмотрел ей вслед и в голову закралась одна нехорошая мысль, вернее, она была замечательной со стороны жизни одного пациента, но отвратительной с моральной точки зрения.

Я снял телефон с зарядки и нашел в списке контактов нужный номер.

– Димон, как оно?

– Жизнь дерьмо, люди умирают, но нас безносая не возьмет, – веселился мой приятель из психиатрического отделения. Наши отношения были самым странным, что случалось со мной в жизни. Новиков, невысокий парень с темными кудрями и неизменной улыбкой на лице, вошел в мою жизнь в один из самых тяжелых периодов...

Смерть отца, а после информация о давнишнем любовнике матери загнали меня в глубокую депрессию, которая могла привести к фатальным ошибкам. Их Дмитрий и помог избежать. С его вечно раздражающим юмором и детской мудростью он неизбежно вводил меня в ступор и заставлял смеяться. Хотя я был уверен, что разучился это делать.

– Ты вчера про Лунского говорил, он еще жив? У него же четвертая группа крови? – выдал я серию вопросов и с волнением стал ждать ответа.

– Живее всех живых, и, по-моему, сохнет не скоро. Я понял, о чем ты. Тут без шансов, ему в коме лежать еще лет десять. Его переводить будут в другое отделение.

Я разочарованно поблагодарил Дмитрия, договорившись перекинуться выпивкой в общий выходной, и раздраженно посмотрел наверх.

Люминесцентные лампы создавали леденящее кровь свечение, но были безопасны и дешевы. Но сейчас я думал совсем не о дешевой женщине.

Я поднимался по лестницам на пятый этаж, кривя губы только от одной мысли о разговоре с этой жадной до власти, развратной бабенкой. Сложно подобрать другое слово для женщины, которая соблазнила сына своей приятельницы. Которым, кстати, был я.

Когда мне только стукнуло пятнадцать, она ловко взяла в оборот сладкого мальчика, показывая самые разные грани удовольствия.

Впрочем, она была неплохим учителем, вот только от её измученного фитнес-тренировками тела, меня уже тошнило. Она и меня хотела к ним подключить, но я не терпел пассивного вида спорта.

Именно движение, борьба, победа и операции заставляли мою кровь кипеть, а сердце неистово биться.

Я толкнул дверь на пятый этаж и словно попал в музей.

Административный этаж выглядел просто шикарно, по сравнению с остальными помещениями больницы. Вычурность говорила пришедшему сюда, насколько тот ничтожен, а картины постмодернистов, развешанных на стенах, только усугубляли это состояние.

Остановившись у двери с табличкой «Главврач Андропова Марина Евгеньевна», я закатил глаза, вспоминая извилистый путь, который привел её на самый верх больничной иерархии.

Когда муж властная скотина, которая не только мер одного из подмосковных городов, но и учредитель больницы, несложно нагибать всех вокруг.

Я не хотел туда заходить. Не хотел видеть вышколенную худую особу, которая с помощью многочисленных процедур пыталась угнаться за неоспоримо увядающей красотой.

Сейчас от нее зависело, насколько быстро министерство выдаст грант на лабораторию, а главное, кто ее возглавит.

Меня тошнило, что данное место достанется мне не за заслуги перед больницей, а потому что я частенько доводил Марину до оргазма, втрахивая ее в дорогущий кожаный диван.

Я провел судорожно трясущейся рукой по светлым волосам и взглянул в окно. Мне не была присуща трусость, но я откровенно боялся Марину, боялся, что она обманет меня и отдаст лабораторию ортопеду, с которым недавно начала трахаться в его кабинете.

Больница – большая деревня и здесь редко можно было что-то утаить. Слишком сухим был этот лес, по которому, как огнем, полыхали сплетни.

Я бросил взгляд на залитую солнцем парковку.

Не стоит быть пессимистом.

На улице стояла чудесная погода, осенняя листва красиво украсила город в золотые одежды, вот только в моей душе давно и стойко поселилась слякоть и грязь.

Пальцы толкнули дверь, и я широко улыбнулся Рите – секретарше заведующей, получив взаимный ответ. Рита была из тех женщин, которые смотрели на мир с высоко поднятой головой и никогда не унывали. Её много лет связывали отношения с мужчиной, который отказывался на ней жениться. Правда, это не помешало им завести ребенка.

– Рита, детка. Как твой Братислав?

– Младший или старший? – усмехнулась блондинка.

Послушав бессмысленный рассказ, который не вызвал ни капли интереса, я попросил кофе.

– Надеюсь, ты постарайшься в этот раз не сжечь кофеварку? Ты же не хочешь, чтобы я отравился?

Рита, конечно, пропустила оскорбление своим кулинарным способностям и вскочила из-за стола.

– Обижаете, разве я могу отравить наше солнце?

Я усмехнулся этой похвале и посмотрел на плавное покачивание крупных бедер. Никакая любовь к мужчине не может помешать женщине получить толику внимания от симпатичного коллеги. Это и продемонстрировала Рита.

Она вздрогнула, когда я слегка коснулся её поясицы и прошептал на ухо:

– Ты просто чудо. Себе, если будешь делать кофе, сахара положи поменьше.

Она коротко кивнула и посмотрела на свою большую грудь. Форму после беременности она так и не восстановила. Возможно, поэтому её гражданский муж и осторожничал с браком, ведь сам он был известным в стране легкоатлетом.

Я оставил Риту со своими комплексами и без стука прошел в ультрамодно обставленный кабинет Марины. Он выглядел бы красивым, если бы не был столь пафосным. Тяжелые зеленые портьеры на окнах, холодный блеск мрамора и кожаная мебель не вызвали желания здесь задержаться.

– Рома! – вскочила Марина с кресла, в котором откровенно смотрела в смартфон.

– А ты, я смотрю, все в делах праведных, – иронично хмыкнул я и посмотрел на настенные часы. До операции было еще двадцать минут.

– Так я жду министра, как раз по нашему вопросу, – блеснула она идеальной улыбкой, которая искусственным сиянием давила на мозг.

В этой женщине за сорок уже давно все было ненатуральным.

Она коснулась моей щеки своими накрашенными губами, но не оставила и следа, зато меня обдало приторным запахом сладких духов. Мне в голову тут же пришел аромат Синицыной, легкий, не раздражающий, но я быстро взял себя в руки и заговорил резко, как будто топором обрубая слова.

– Я так понимаю, что кандидатов на место управляющего лабораторией уже два. Что ты скажешь сегодня министру? Назовешь имя нового любовника?

– Сладкий...

– Я же просил, – она вечно напоминала мне мою ненавистную фамилию «Сладенький».

– Ну, прости, ты последнее время совсем забыл обо мне. А куда еще податься одинокой женщине? – томно прошептала она, поглаживая мой воротник и водя наманикюренным пальчиком по стетоскопу.

Я приподнял брови в немом удивлении, стряхнул с себя её руку и уселся в кожаное бежевое кресло, взяв в руки телефон.

Естественно, запароленный.

– Мне помнится, у тебя есть муж.

– Он занят.

– А я значит свободен? – вперился я в неё взглядом. Посмотрел в немое отражение маленького экрана и отложил современную игрушку на столик между креслами.

– Ну, а как же иначе, дорогой. Ты лучшее, что было в моей жизни, – театрально заявила она.

– Учитывая, что ты сама меня и поднатаскала, – съязвил я злобно, – это и неудивительно.

Она пропустила мимо ушей колкость и сделала лицо, по ее мнению, соблазнительным. Прищурила взгляд, медленно облизала губы и заправила прядь идеально уложенных волос за ухо с блестящей сережкой. Она сделала шаг вперед, но в этот момент раздался стук, и всплыла Рита с подносом.

Она оставила его на столе, и отрапортовала, что министр перенес встречу на завтра. С этим и удалилась, не забыв показать свою лучезарную улыбку. Марина лишь картинно ее изобразила и быстро села передо мной на колени.

Я видел, с какой жадностью её руки, как щупальца, тянулись к моему члену.

– Вот видишь, не все зависит от меня. Ты же знаешь, стоит тебе только попросить, и я все для тебя сделаю.

Продолжение про взаимные услуги не прозвучало, но я четко прочитал это в ее бл*дских, карих глазах. Пришло вдруг осознание, что я устал быть управляемым.

Проект лаборатории мой и, по сути, этот грант мог достаться любой больнице, в которой я бы работал. И там бы был нормальный руководитель, хотя и здесь такой был. Раньше.

Я резко наклонился и схватил её за обильно политые лаком волосы. Ощущение было не из приятных. Я сжал затылок Марины и притянул к себе.

– Ты такая хитровы*банная. Хочешь и конфетку съесть, и к стоматологу не попасть. Я задолбался кормиться твоими завтраками. Я уже восемь лет гну здесь спину и больше не собираюсь поддаваться твоим провокациям. Если завтра не будет подписанной бумаги, я сваливаю.

Глава 4. Рома

– Ты не уйдешь! – сверкнула она глазами и облизалась от того напряжения в теле, которое вызывали моя близость и грубость.

– Проект мой, грант достанется мне в любом случае. А твоя больница многое потеряет. Тебе пора понять, что я давно не сладкий мальчик и не тебе решать с кем и когда мне трахаться. Поняла? – я дернул за волосы сильнее.

Сука.

– Конечно, конечно. Завтра все будет.

Я посмотрел на её влажные губы и вспомнил про долгое воздержание и неуместные желания к молоденькой пациентке.

– Пожалуй, я могу уделить тебе немного внимания, раз твои любовники нагоняют на тебя тоску, – прошипел я ей в лицо, доставая колом стоящий член из форменных брюк. – Открой рот, Марина.

Она широко распахнула глаза в предвкушении, но далеко не так широко, как губы, которыми мигом обхватила головку.

Сосала Марина, конечно, отменно, но, если закрыть глаза, всегда можно представить кого-то другого, кого-то столько же невинного, насколько порочна эта женщина.

Кончил быстро и почти без удовольствия, сняв часть напряжения, настигшего меня внизу рядом с Синицыной. Вот это странно. Кончать в узкое горло одной, а представлять другую.

Спустя еще несколько минут, промыв член от слюны и спермы, и отмахнувшись от навязчивой дамочки, я поспешил в операционную. Там лежала девушка, красота которой затмевала даже мою первую школьную любовь.

Я не запомнил даже её фамилии, зато не забыл, как именно в тот год меня соблазнила Марина, а еще через год всплыла информация о любовнике матери. Что-то тогда сломалось во мне. Иллюзия счастливой семейной жизни была погребена под массивными завалами лжи и похоти.

Все мысли о прошлом одним духом снесло настоящее.

Стерильная операционная, персонал в форме, маски и приборы, по которым определяются жизненные показатели пациента. Здесь не осталось места для проблем, страхов или похоти. Это был мой мир, и в этом мире сегодня гостила нимфа.

Девушка лежала неподвижно, словно спящая царевна под стеклом в ожидании поцелуя. Её губы дрожали, а по щекам катились крупные слезы.

Я натянул перчатки, кивнул анестезиологу. Тот уже вливал нужный раствор в капельницу и посмотрел в глаза Синицыной. Это была стандартная процедура перед операцией – разговор помогал пациенту расслабиться, а врачу напомнить, что он не патологоанатом.

Синицына бросила взгляд на меня и широко раскрыла глаза, оглушив меня улыбкой.

Полегче, мы же не в спальне.

– Как вы себя чувствуете?

– Чудовищно, – захрипела она не своим голосом, а лицо подернулось сонливостью. – Чистка желудка – ужасная вещь, гадкая, но... я так рада вас видеть.

– Так нужно, – самым обстоятельным тоном успокаивал я, про себя усмехнувшись.

Я понял, что анестезия начала действовать, вводя девицу в некое маревое состояние, близкое к опьянению. Теперь она будет откровеннее, чем в сознании. – Сейчас вы заснете, а проснетесь уже здоровой.

– Вы такой интересный, самый прекрасный – как эльф из Властелина колец, – мечтательно улыбалась она, и я больше всего на свете хотел, чтобы она перестала волновать меня этим простым движением губ.

Я вскользь взглянул на открытые участки тела, которые уже смазывали раствором и ожидаемо услышал всхлипы.

Я подметил смешливые взгляды медсестер. Их всегда потешали резкие смены эмоций у подверженных анестезии пациентов.

– Я пропущу посвящение, – тем временем уже в голос рыдала Сеницына. – Танька будет танцевать вместо меня!

Я сдержал смех и увидел условный знак грузного Владислава Богатырева.

– Считаю до десяти и можно начинать.

А я наклонился к уху девушки, слыша тот же ненавязчивый аромат, и зашептал:

– Я уверен, никто никогда не сможет с тобой сравниться. Отнесись к этому, как к очередному препятствию, через которое нужно перепорхнуть.

Я отпрянул, когда слезы явственно сменились притягательной натуральной улыбкой, а Сеницына всхлипнув, произнесла:

– Мне так папа говорил когда-то. Спасибо, Роман Алексеевич, с вами мне ничего не страшно.

Мысль о сравнении с отцом была крайне неприятной. Захотелось наглядно доказать нахалке, насколько далеки мои чувства от родственников. Хорошо бы наедине. Обнаженными.

Она отключилась, и стала размеренно вдыхать воздух.

Я же взошел на сцену. Теперь весь остальной мир с его пустяковыми проблемами и трудностями перестал существовать. Только хирург, запас знаний и скальпель.

Или...

Периферическое зрение действовало отлично. Я видел нежный овал лица Сеницыной и чуть приоткрытые губы, а потом перевел взгляд на ничем не испорченную кожу живота. Бл*тство.

– Делаем эндоскопию, – проговорил я глухо из-за тонкой маски на лице.

– Но, – удивилась медсестра, протягивая мне скальпель, – в карте указана обширная операция.

– Я гораздо лучше вас знаю, что там написано. Я сам заполнял её. Готовим эндоскопию, – резко напомнил я о своих соответствующих полномочиях.

Девушка лишь пожала плечами, убрала скальпель и стала спешно готовить эндоскоп. Не в её правилах спорить с взбалмошными врачами. Её дело маленькое – слушаться.

– И что ты напишешь в отчете? – спросил Богатырев, когда операция закончилась, и мы уже мыли руки. – Или сам оплатишь?

– Подумаю, – посмотрел я на себя в зеркало, внутренне изумляясь своей эскападе. Что на меня нашло?

– Девчонка, конечно, ничего такая, но, как по мне, заурядная влюбленная в тебя пациентка. Сколько ты таких уже видел? А сколько увидишь? Чем она тебя так привлекла?

– Если бы я знал, – я похлопал по плечу коллегу и устремился к выходу, стряхивая с рук капли воды.

Открыв двери, я обернулся. Прямо за спиной Богатырева располагалась операционная, где как раз отключали лампы. – Прикроешь?

– Спрашиваешь, я еще не забыл, как ты меня в чувство после развода приводил. Было забавно.

– Только если считать плавание в минус три веселым занятием.

– Сработало же.

Я вспомнил операционную, которую почти разбил пьяный Влад. После, по моему распоряжению, буйного тащили на улицу три не самых слабых санитаров и швырнули в мелководье реки, что протекала рядом с больницей. Лед из-за течения был тонкий и тяжелое тело его с легкостью проломил. Я сам вытащил коллегу из воды и выделил палату, а потом выгородил, зная, что должники лишними не бывают.

– Это верно, буянить ты формально перестал. Увидимся, – с беглою усмешкой откланялся я, последний раз взглянув на Сеницыну, чьи веки уже затрепыхались.

Глава 5. Аня

Тьма окружала меня со всех сторон. Я, то погружалась в неё, как в бездну мрачного океана, то выплывала на поверхность, схватывая полукруглыми глазами лоскутки света.

Однако проблески сознания раз за разом становились все длиннее. Сквозь пелену до меня доносились глухие звуки. Из всех сил сосредоточившись, я смогла их понемногу различить: вот бубнёж санитаров над головой, вот гудение люминесцентных ламп, вот повизгивание резиновых подошв по кафельному полу.

И снова погружение в забытие, а там глаза. Глубокие как омуты, опасные как обрыв, с которого больше всего на свете хочешь прыгнуть.

Врачи так не смотрят на пациенток. Не должно быть в их взгляде влечения, смешанного с острой похотью, от которой дрожь пронизывает все тело.

Этому можно.

Врачам с такой внешностью надо запрещать лечить людей, ведь любая женщина захочет болеть чаще, только чтобы его длинные пальцы снова мягко коснулись и надавили в нужных местах. Так, что даже сквозь эластичную ткань чувствуешь жжение, совершенно не связанное с болью в боку.

Сладенький Роман Алексеевич. Роман. Рома. Еще не старый, но уже не молодой. Именно таким я запомнила своего отца и фраза эта. Про трудности. В точности его слова.

Я попыталась распахнуть глаза, но от яркого света зажмурилась, что вызвало новый отток крови в мозг, и я провалилась в очередное небытие.

И там были снова его глаза, в усмешке казавшиеся синими, а в гневе, словно спрыснутыми чернилами. Темный, глубокий, манящий взгляд.

Завитки серого тумана понемногу рассеивались. Слова, смысл которых прежде до меня не доходил, начинали рождать в мозгу логические ассоциации. Теперь я понимала, кто я и где нахожусь.

Я – Аня Синицына, дурочка, пропустившая свое первое соло на сцене, отдав лавры Тане Губановой – блондинке с выжженными перекисью волосами.

И теперь эта мымра будет танцевать с моим лучшим другом Артуром. Возможно, это и неплохо, теперь его внимание переключится на новую партнершу. Я же буду освобождена от его нелепых и никому ненужных поползновений.

В голове зародился образ другого человека, чьи знаки внимания я бы приняла. Я бы позволила себя коснуться там, где были лишь мои руки, взглянуть на то, чему лишь зеркало было свидетелем.

Порочные, неправильные мысли о его руках, губах и волосах, в которые хотелось зарыться, принесли организму новый приток крови и в голове уже яснее зашумели голоса.

Я напрягла мышцы тела, мысленно прощупала позвоночник, конечности, место операции и, что удивительно, не почувствовала боли в окровавленных, от постоянного ношения пуант, пальцах. Её заглушила пульсация в правой стороне живота. Операция.

Мне сделали операцию по удалению аппендикса. Он это сделал. Сладенький Роман Алексеевич. Он проник в меня скальпелем и достал лишнее из тонкого, но сильного, привыкшего к нагрузкам, тела.

Вошел. До него это никому не было позволено.

Ему можно.

Шум извне усилился, и я расслышала голоса. Женские. Один тонкий, надрывный, а другой мягкий, низкий.

Кажется, обсуждали последний сериал по второму каналу, которые так любит мама.

Мама. Она на работе и вряд ли успеет сегодня зайти. А сколько вообще прошло времени?
– Сейчас три часа дня, – слышался тихий, как шелест листвы за окном, голос сбоку, и я повернула голову.

Открыла глаза. Женщина. Женщина с короткой пышной стрижкой в стиле восьмидесятых и ласковой улыбкой на полноватом лице.

Такие обычно присматривают за детьми. Такая нянечка в детском саду была и у меня.

– Я что, вслух спросила время? – с тихим недоумением в голосе спросила я, хотя внутренности сжал страх.

Собственный хрип вместо нормального голоса поверг меня в ужас. Словно я вместо занятий балетом, курила каждую свободную минуту.

Горло было иссушенным, как озеро в пустыне, и ощущение песочной бури в легких не вызывало удовольствия.

– Так ты всё вслух говорила, – услышала я насмешливый голос с другой стороны и медленно повернула голову. Мужская стрижка, очки, худосочная фигура. Неужели сама Хакамада забрела в городскую больницу?

– Как всё? – ощущая, как стыд проникает в тело, спросила я.

– Все, все, – хрюкнула девушка от смеха. – И что Аней тебя зовут. И про Артура, и про... – она сделала паузу, близкую к театральной. – Романа Сладенького, – девушка улыбнулась широко и довольно, словно поведала ужасную, но очень пикантную тайну Мадридского двора.

– И совсем я не влюбилась, – пробурчала я, сама себе не веря. – Приятно познакомиться.

За стакан воды сейчас можно было бы и убить. И очевидно, что судьба, не желая смерти близким, подарила мне прохладную воду. Бутылку протягивала мне девушка с короткой стрижкой.

– Я Катя. Твой пакет у кровати стоит, принесли недавно, – кивнула она куда-то вниз, – но воды там вроде нет, так что бери мою.

Я уже не слышала её. Весь мир сосредоточился на прозрачных каплях, стекавших по запотевшей бутылке. Дрожащие пальцы открутили пробку. Еще секунда и к пересохшим губам коснулась поцелуем леденящая прохлада влаги.

Волшебно.

Я жадно поглощала прохладную, невероятно вкусную жидкость и ощущала, как та пронесется внутри, словно потоки воды по высушенным руслам. От удовольствия глаза сами собой прикрылись. Только напившись, я ощутила, что действительно проснулась от тягостного послеоперационного сна. Теперь я оживала.

Нет ничего вкуснее воды: с утра, чтобы запустить обмен веществ, перед едой, чтобы съесть поменьше. Особенно сладостен вкус жизни после тренировки, когда тело ломит и болит, когда оно покрыто испариной, а в горле стоит вот точно такой же ком.

– Спасибо, – голос вернулся в норму. – Это восхитительно.

Наверное, мой довольный вздох был слишком громким, потому что соседки тут же рассмеялись. Искреннее и беззлобно.

А я со счастливой улыбкой вернула бутылку хозяйке и, наконец, осмотрелась.

Небольшая палата была выкрашена в ненавязчивый голубой цвет, три белые узкие кровати стояли в ряд, возле каждой располагалась тумбочка, а в самом углу помещения была раковина с квадратным зеркалом.

Я села чуть повыше и ощутила дискомфорт в правом боку. Отогнув край простыни, которой была заботливо укрыта, я задрала больничную сорочку, оголяя бедро, лобок и часть живота.

– Мне тоже переодеться надо? – поинтересовалась я, бросив взгляд на разношерстную одежду соседок. Одна была в издавшем виде голубом халате, в мелкую розочку, а другая в пижаме, под стать олимпийским спортивным костюмам.

– Да, это операционная сорочка, – подтвердила Катя и вернула все свое внимание книге, которую читала все это время. Судя по толщине, очередной фэнтезийный роман.

Я посмотрела на широкий пластырь, с розоватым пятном крови. Он был наклеен ровно на половине плоского живота, задевая тазобедренную косточку и закрывая половину пупка.

Интересно же, что там.

Я ногтем попыталась подковырнуть липкий краешек и потянуть, но ощутив болезненность в области шрама, оставила эту затею.

– Не торопись, сделают сегодня перевязку, тогда и глянешь, – не отрываясь от вязания, посоветовала Надежда. Заметив мой взгляд, она улыбнулась. – Это для моего внука Коленьки. Он обожает все красное.

Я приподнялась на локтях, чувствуя, как затекли мышцы всего тела. Сделав усилие, я выпрямила спину, расправила плечи и стала разминать шею. Выполняя стандартный комплекс упражнений, я про себя проговаривала его: «По кругу – в одну сторону, потом в другую».

– А где здесь можно переодеться? – спросила я уже вслух.

– В душевой, напротив палаты, но ты бы далеко не уходила, здесь переоденься, скоро тебя позвать должны, – в который раз напутствовала «нянечка».

Наверное, не стоило даже в мыслях её так называть. Если я проговорюсь, то женщина может и обидеться. А еще неизвестно, сколько нам дней провести в одной палате.

Подняв руки к волосам, я в ужасе охнула, привлекая к себе внимание.

– Что-то заболело? – участливо спросила Катя.

– Только чувство прекрасного, – прохныкала я и краем глаза заметила скептические усмешки женщин.

Но меня сейчас больше волновали свои сбитые в клок волосы, ибо я привыкла к безупречности своей внешности. Понимая, что с этим справится только бальзам-ополаскиватель, и расчёской туда даже не стоит лезть, я оставила в покое голову и наклонилась посмотреть на пакет. Рядом стояла сумка, с которой я выходила из дому. Меня посетило ощущение, что все это случилось не со мной. Такие резкие изменения даже пугали.

За один день может произойти все что угодно: человек может измениться, мир вокруг него может измениться, а может, и ничего не случится, но это не про меня. Еще с утра я планировала провести весь день в репетиционном зале, а вечером выполнить реферат по хореографическим спектаклям девятнадцатого века, а теперь лежу в больнице, не зная, как смогу прожить неделю или больше без движения и музыки.

Я, совершенно погруженная в себя, спустила босые ноги на холодный кафель и вдруг вздрогнула, когда услышала вскрик.

– Ого! Это что с тобой такое? – ужаснувшись, воскликнула Катя, внимательно рассматривая мои непривлекательные пальцы.

Наверное, во всём должна быть гармония. Если природа наделила меня привлекательностью и способностями к балету, то она должна была чего-то и лишить. Отца, красоты ступней, друзей, отношений, с которыми никогда не складывалось.

– Точно, балерина. А я думала, ты сочиняешь.

Я хмыкнула и сразу потянулась к пакету, чтобы достать носки и скрыть уродство. Если девушка в открытых босоножках говорит вам, что она балерина – врёт. У профессиональных танцовщиц пальцы ног всегда чем-то прикрыты.

Я выругалась, когда попыталась разобрать бардак в пакете.

Его явно собирал Марк. Только у него есть привычка всё запихивать.

С облегчённым вздохом я все-таки нашла носки, завёрнутые в пижаму.

– Значит, ты и правда балерина? Вот же здорово. Многие мечтают, а тебе вон как повезло.

– Ну да.

Бессмысленный ответ, не отображающий и доли тех чувств, что бушевали во мне. Повезло? Повезло?! Кричала я про себя от возмущения.

Можно ли назвать удачей ежедневные тренировки, недосып, недоедание и слёзы безысходности, если кто-то оказался лучше тебя на городских соревнованиях. И нет, я не жаловалась. Это всё приближало меня к цели, пусть и медленно, как на пуантах, но верно, как движение поезда по рельсам, у которого нет права свернуть не туда.

Я уселась на кровати и достала из сумки старенький айфон. Посмотрев на пропущенные от матери и Веселова, я лишь пожала плечами. Это было ожидаемо, а вот беспокойство Валентины Марковны было удивительным и приятным. Всё-таки чудесная женщина. Строгая и требовательная к своим студентам, но мне это только импонировало.

Поговорив с матерью, я стала набирать Артура, но он меня опередил:

– Привет, Анют. Ты ещё жива?

– Живее всех живых, а ты уже сделал батман фондю с Таней? – спросила я с ехидцей в голосе и как будто бы недовольно, но он-то знает, что это проявление ревности не к новой партнерше.

– Ей до тебя как пешком до луны, во всех смыслах, – начал говорить он с придыханием, на что я только закатила глаза. – Не переживай. Я после выступления заскочу на минутку. Хорошо, что тебя в другой район не увезли.

– А что, не приехал бы? – прошептала я, чувствуя, как меня охватывает отчаяние. Он будет выступать, а я прозябать здесь. Ужасно.

– Да почему, просто это было бы сложнее. Тебе долго лежать?

– Дней семь вроде, хотя, я бы прямо сейчас на сцену выскочила.

С этими словами я зажала плечом телефонный аппарат, предполагая, что разговор затянется. Нам с Артуром всегда было, о чем поговорить. И начала разворачивать пижаму, чтобы переодеться.

Двигаться было еще тяжело, и мышцы казались одеревенелыми, но это не помешало мне, разговаривая, наклониться низко, чтобы вдеть ноги в брюки. Я приподняла сорочку, чтобы натянуть пижамные брюки и отвечала на какой-то глупый вопрос Артура про дизайн помещения больницы. Хихикнула в трубку. Друг с детства был эстетом.

В этот момент, неожиданно и совершенно неловко, произошли три вещи.

Послышался скрип открываемой двери, и в этот же момент Катя закричала:

– Какая у тебя родинка на заднице!

Я, вздрогнув от двойной неожиданности, вскрикнула и, подпрыгнув, плюхнулась животом поперёк своей кровати, оттопырив, так и не зачехлённую в брюки, ладную попку. Телефон, естественно, как кузнечик от меня отпрыгнул на пол.

Хорошо, в чехле, не разбился.

– Вид, конечно, замечательный, Синицына, но, по-моему, мы с вами оперировали живот, – произнес строгий очень знакомый голос. Соседки засмеялись, очень напыщенно и как-то фальшиво.

Ну, еще бы. Еще, поди, и ресницами захопали.

Я с досады чуть вслух не застонала, еле сдержавшись. Повернув голову и выглянув из-за пелены волнистых волос, я посмотрела на серьёзное лицо Романа Алексеевича, в темных глазах которого, как угольки, тлели смешинки.

Я, ворча себе под нос, что-то о неумных женщинах и наглых мужчинах, рывком натянула брюки. Я ощущала жар в пояснице, там, где Роман Алексеевич взглядом касался обнаженной кожи.

Благодарно улыбнувшись Надежде, которая протягивала выключившийся из-за падения телефон, я взяла его и убрала под подушку. Сев на кровать, я из-под нахмуренных бровей прожигала взглядом дыру в дорогом на вид галстуке врача.

Впрочем, он своей вины явно не чувствовал и выглядел даже слишком довольным всей ситуацией.

– Ну, как вы тут, дамы? Я смотрю, не скучаете.

– Нет, Роман Алексеевич, – в один голос, как на параде перед генералом, ответили Катя с Надеждой.

Я только закатила глаза. Неужели и мне предстояло в скором времени встать по струнке перед этим местным языческим божком? Влюбляться в него не было никакого смысла. Боги лишь могут одаривать своим светом и вниманием, но никогда не полюбят смертных.

– Синицына, вы сильно не располагайтесь, – посмотрел он строго на то, как я сажу, скрестив ноги.

– Мне разве уже можно ходить?

– Ходить-то вам нужно, а вот выполнять акробатические трюки, что вы сейчас продемонстрировали, еще рановато. По коридору третья дверь направо. Я жду.

С этим он и вышел, опалив взглядом, прикрытую тонкой сорочкой, грудь, отчего я ощутила удушье, словно на шее повязали атласную ленту – гладкую, нежную, но сжимающую до хрипа.

С губ слетел еле слышный стон, но тут же был заглушён восклицанием:

– Какой мужчина!

Глава 6. Аня

Я только раздражённо посмотрела на женщин и, достав шлепки, обулась в них и встала. Страх сковал всё моё существо, концентрируясь внизу живота.

Резво переодевшись, уже не отвлекаясь даже на неторопливый разговор соседок, я вышла за дверь палаты. В коридоре было также светло, в разные стороны сновали врачи, пациенты и медсестры с капельницами и пилюлями. Повсюду раздавались просьбы больных и требование персонала.

Как и всегда чувствуя на себе взгляды окружающих, я на негнущихся ногах прошла по коридору и нашла нужную дверь.

В нескольких метрах, возле стойки администратора я увидела рослую женщину. И в обычное время я бы и внимание не обратила, но рука брюнетки лежала на предплечье Романа Алексеевича и это вызвало внутренний дискомфорт. Мысль о том, что женщина могла быть супругой моего хирурга, казалась невыносимо обидной.

Будучи балериной, я не отличалась умением красиво говорить, читать наизусть целые поэмы или выдавать остроумные шутки, зато я обладала гораздо более полезным талантом помимо красоты движения. Я понимала язык тела.

Танец – это способ передачи информации без слов. И в этой мизансцене, что я наблюдала, было ясно видно, что дама с модной стрижкой, возраста примерно моей матери, отчаянно желала Сладенького. Всё тело женщины тянулось к мужчине, глаза то и дело ощупывали привлекательное лицо и участок обнаженной шеи, а пальцы так и норовили вцепиться в ткань халата.

Внимание же врача было поглощено плинтусом с правой стороны от темной головы собеседницы.

Внутри живота возник неприятный отголосок тошноты, словно я увидела что-то запретное и неправильное.

Я слегка вздрогнула, когда светлая голова Романа Алексеевича повернулась, и он уставился прямо на меня.

Его тело напряглось, мышцы ясно обрисовались под белым халатом, а глаза чуть прищурились, напоминая ястреба, узревшего на дальнем расстоянии свою добычу.

Вот, это мужчина, который желает женщину. Очевидно, то, что Роман Алексеевич впервые видел меня в полный рост, сыграло свою роль.

И дама тоже оказалась неглупа и сразу заприметила резкую смену в собеседнике.

Она перевела взгляд на меня и с явственным высокомерием оценила и тонкий стан, и свежее молодое лицо, и копну включенных черных волос.

И если мне самой они и показались патлами, то взгляд, брошенный в матовое непрозрачное стекло в двери процедурной, подсказал, что выглядело это, как минимум, привлекательно. Если не сказать – сексуально.

Я вдруг вспомнила сказку, с которой я впервые танцевала на сцене. Это была «Мёртвая царевна» Пушкина. И вид этой порочно красивой женщины ясно давал понять, что как бы ни было налито и красно принесённое ею яблоко, принимать его нельзя.

Я быстро отвернулась, стыдясь, что меня поймали за подсматриванием. Отчего в душе набегали волны неприятной тяжести предчувствия.

Безотчётное волнение пробиралось под кожу, как игла медсестры – болезненно и осязаемо.

Слишком осязаемо.

Я невидящим взором смотрела на дверь, за которой мне предстояло остаться с хирургом один на один.

Возможно, Роман Алексеевич пригласит кого-то, но неуклонно приближающиеся беззвучные шаги и усиливающийся запах свежего одеколona словно шептал мне, что перевязка будет тет-а-тет.

Я медленно повернула голову, чтобы столкнуться с насмешливыми синими глазами, и вмиг ощутила дикое желание сбежать в свою палату к соседкам-хохотушкам. В любое другое место, где не будет этого настырного взгляда, который как магнит с разными плюсами – и притягивал, и отталкивал.

Пока он неуклонно подступал, я оценила неспешность его шага, в котором не было ленцы, а только затаённая сила. Роман Алексеевич напоминал спринтера, готового рвануть в любой момент. Наверняка, умение бегать для врачей крайне важно, ведь порой чья-то жизнь висит на волоске.

Он почти рядом и я, задыхаясь, окунулась в омут его темных глаз, загипнотизированная обещанием, полыхнувшим в них. Я одёргивала себя за столь несвоевременные мысли и желания, но разве внимание такого мужчины могло оставить безразличной меня? Хоть кого-то?

– Эта женщина ваша жена? – задала я вдруг вполне закономерный вопрос, чтобы хоть немного сбросить с плеч лямку власти и отвоевать себе личного пространства, потому что он подступил слишком близко, потому что он одно сплошное «слишком».

Роман Алексеевич резко побелел и посмотрел на меня, как на насекомое, словно я не достойна знать ответ на простой вопрос.

Больно надо!

Я еще раз кинула взор туда, где только что стояла дама и перевела его на мужчину. Он отвел свой острый взгляд и без слов открыл передо мной двери. Рукой он направил моё движение, чтобы проходила быстрее.

Подчинилась. Быстрее начнем, быстрее кончим.

Нет, об этом точно думать нельзя.

А он смотрел так, словно знал каждую мысль, что проскакивала в моей глупой голове, каждое желание, что обуревало молодое тело.

Откуда?

Он отвернулся, дав мне возможность вздохнуть спокойно, и стал выполнять простые, привычные для него действия: вымыл руки, вытер, натянул латексные перчатки, начал готовить раствор для обработки шва. Ничего особенного. Обычные действия обычного врача.

Вот только у меня прошла дрожь по телу от того скрытого эротизма, что сквозил в каждом его мерном движении рук. Он словно выполнял сложнейшие па из соблазнительного, но такого порочного балета «Кармен».

Я увидела, что голова его чуть повернулась, а взгляд зацепил трясущиеся руки, которые я заламывала, не зная, куда их деть. Он хмыкнул, негромко, но словно не сомневался в причине моего волнения.

– Синицына, если вы так и будете продолжать на меня смотреть, то я быстро перекавалифицируюсь из вашего врача в...

Кого? Кого?!

Он не успел закончить фразу, а я заметила медсестру только, когда худосочное тело оказалось перед покрасневшим от стыда лицом.

– Роман Алексеевич, я отходила.

– Вы можете... – Он раздраженно дернул головой и замолчал. Медсестра стояла ни жива, ни мертва. Очевидно же, что он тоже был раздражен тем, что его перебили. Вдохнул, сдержав в себе едкий ответ, и посмотрел на свои руки, затянутые в латекс.

– Принесите со склада коробку перчаток. Это будет полезнее, чем ваш лепет, – произнёс он, возвращаясь к методичной подготовке раствора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.